

СЛАВОЙ НИНЬЕК

18+

НЕБЕСА В СМЯТЕНИИ

«Под небесами царит великое смятение; ситуация превосходна».
Мао Цзэдун

Славой Жижек

Небеса в смятении

Серия «Smart»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68259524
Небеса в смятении / Славой Жижек ; перевод с английского М. А. Леонович: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148942-7

Аннотация

По мере того как мир выходит (хотя, возможно, только временно) из пандемии, в центре внимания оказываются другие кризисы: вопиющее неравенство, климатическая катастрофа, отчаявшиеся беженцы и нарастание напряженности в результате новой холодной войны.

Неизменный мотив нашего времени – безжалостный хаос.

На пепелище неудач нового века Жижек заявляет о необходимости международной солидарности, экономических преобразований и прежде всего безотлагательного коммунизма.

В центре внимания новой книги Славоя Жижека, традиционно парадоксальной и философски-остросюжетной, – Трамп и Rammstein, Amazon и ковид, Афганистан и Христос, Джордж Оруэлл и интернет-тролли, Ленин и литий, Байден и Европа, а также десятки других значимых феноменов, которых Жижек привлекает для радикального анализа современности.

Содержание

Предисловие: ситуация все еще превосходна?	5
1. Поменялись ли правила игры после атаки дрона в Саудовской Аравии?	9
2. Кто выставляет Курдистан диким?	14
3. Неприятности в нашем раю	19
4. Опасность кофепития с Ассанжем	24
5. Анатомия переворота: демократия, Библия и литий	29
6. Чили: к новому означаемому Николь Барриа-Асенхо и Славой Жижек	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Славой Жижек

Небеса в смятении

Slavoj Žižek

Heaven in Disorder

Печатается с разрешения OR Books LLC and Synopsis
Literary Agency.

All rights reserved

© Slavoj Žižek, 2021

© М. А. Леонович, перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие: ситуация все еще превосходна?

Одно из наиболее известных высказываний Мао Цзэдуна гласит: «Под небесами царит великое смятение; ситуация превосходна». Что имел в виду Мао, понять нетрудно: когда существующий общественный порядок распадается, наступающий хаос дает революционным силам отличный шанс действовать решительно и захватить политическую власть. Сегодня под небесами определенно царит великое смятение: пандемия COVID-19, глобальное потепление, признаки новой холодной войны, всплеск народных протестов и социальных противоречий по всему миру – вот лишь некоторые из кризисов, которые нам угрожают. Но правда ли, что этот хаос все равно делает ситуацию превосходной, или же опасность саморазрушения слишком высока? Разницу между ситуацией, которую имел в виду Мао, и нашей нынешней ситуацией лучше всего можно объяснить с помощью небольшого терминологического разграничения. Мао говорит о смятении *под* небесами, где «небеса» или большой Другой в той или иной форме – неумолимая логика исторических процессов, законы общественного развития – все еще существуют и незаметно регулируют социальный хаос. Сегодня же нам следует говорить, что в смятении пребывают *сами* небеса.

Что я имею под этим в виду?

В «Разделенном небе» (1963), классическом романе Кристи Вольф времен ГДР о субъективном влиянии разделенности Германии, Манфред (выбравший Запад) говорит своей возлюбленной Рите, когда они видятся в последний раз. «Но хотя наша земля разделена, мы все равно делим с тобой одни и те же небеса». Рита (решившая остаться на Востоке) с горечью отвечает: «Нет, сначала они разделили небеса». Каким бы апологетическим (для востока страны) ни был этот роман, он предлагает правильное понимание того, как наши «земные» разногласия и ссоры в конечном счете всегда восходят к «разделенным небесам»; то есть к гораздо более радикальному и исключительному разделению той самой (символической) вселенной, в которой мы обитаем. Носителем и инструментом этого «разделения небес» является язык как средство, поддерживающее наше восприятие реальности, — язык, а не примитивные эгоистические интересы, есть первый и главный разделитель. Именно из-за языка мы (можем) «живем в разных мирах» с нашими соседями, даже если они проживают на одной с нами улице.

Сегодня ситуация не такова, что небеса разделены на две сферы, как это было в период холодной войны, когда два глобальных мировоззрения боролись друг с другом. Разделение небес ныне все больше проявляется внутри каждой отдельно взятой страны. В США, например, идет идеологическая и политическая гражданская война между ультрапра-

выми и либерально-демократическим истеблишментом, в то время как в Великобритании существуют не менее глубокие разногласия, недавно проявившиеся в противостоянии сторонников и противников Брексита... Пространство для поиска взаимопонимания постоянно сокращается вслед за продолжающимся ограничением физического общественно-го пространства, и это происходит в то время, когда из-за многочисленных накладывающихся друг на друга кризисов глобальная солидарность и международное сотрудничество нужны как никогда.

В последние месяцы все более очевидными становятся часто тревожные признаки переплетения кризиса пандемии Covid-19 с продолжающимися социальными, политическими, экологическими и экономическими кризисами. Пандемию необходимо рассматривать в совокупности с глобальным потеплением, обострением классовых противоречий, патриархатом и женоненавистничеством, а также многими другими затянувшимися кризисами, которые перекликаются с ней и друг с другом в сложном взаимодействии. Это взаимодействие неконтролируемо и полно опасностей, и мы не можем рассчитывать ни на какие гарантии на небесах, которые бы позволили нам четко представить решение. Такая рискованная ситуация делает наш момент в высшей степени политическим: ситуация явно *не* превосходна, и именно поэтому необходимо действовать.

Так что же следует делать? Призыв Ленина к «конкретно-

му анализу конкретной ситуации» сегодня более актуален, чем когда-либо. Никакая простая универсальная формула не годится: бывают моменты, когда необходима прагматичная поддержка скромных прогрессивных мер; бывают моменты, когда единственным путем является радикальная конфронтация; наконец, бывают моменты, когда отрезвляющее молчание (и пара милых варезжек) говорят больше, чем тысяча слов.

1. Поменялись ли правила игры после атаки дрона в Саудовской Аравии?

Когда в сентябре 2019 года повстанцы-хуситы из Йемена нанесли при помощи беспилотника удар по нефтеперерабатывающим объектам компании Saudi Aramco, наши СМИ не раз назвали это событие «переломным моментом» – но было ли оно таковым на самом деле? В каком-то общем смысле да, поскольку оно нарушило мировые поставки нефти и увеличило вероятность крупного вооруженного конфликта на Ближнем Востоке. Однако следует быть осторожным, чтобы не упустить жестокую иронию этого утверждения.

Повстанцы-хуситы в Йемене уже много лет ведут открытую войну с Саудовской Аравией, а саудовские вооруженные силы (которым оружие поставляют США и Великобритания) практически уничтожили всю страну, без разбора бомбя гражданские объекты. Интервенция Саудовской Аравии привела к одной из страшнейших гуманитарных катастроф, в результате которой погибли десятки тысяч детей. Но, как и в случае с Ливией и Сирией, уничтожение целой страны здесь, очевидно, не меняет правила, а является частью обычной геополитической игры.

Даже если мы осуждаем акт хуситов, должны ли мы удив-

ляться при виде того, что хуситы, загнанные в угол и оказавшиеся в отчаянной ситуации, наносят ответный удар любым доступным им способом? Их поступок отнюдь не меняет ход игры, а является ее логической кульминацией. Перефразируя одну из невыразимых пошлостей Дональда Трампа, они, наконец, нашли способ схватить Саудовскую Аравию за п****, где ей действительно больно. Или, перефразируя знаменитую строчку из «Трехгрошовой оперы» Брехта («Что такое ограбление банка по сравнению с основанием нового банка?»): что такое разрушение страны по сравнению с небольшим нарушением воспроизводства капитала?

Внимание медиа к «изменившей правила игры» атаке хуситов также весьма удобно отвлекло нас от других действительно меняющих правила проектов, таких как израильский план аннексии больших плодородных участков Западного берега реки Иордан¹. Он означал, что все разговоры о «двух государствах для двух народов» были просто пустыми разговорами, призванными замаскировать безжалостную реализацию современного колонизаторского проекта, в рамках которого палестинцев на Западном берегу ждет, в лучшем случае, пара жестко контролируемых бантустанов. Следует также отметить, что Израиль делает это при молчаливом попустительстве Саудовской Аравии – еще одно доказательство того, что на Ближнем Востоке формируется новая ось зла, состоящая из Саудовской Аравии, Израиля, Египта и Объединенных Арабских Эмиратов. Вот где правила игры в

самом деле меняются!

И, чтобы расширить рамки нашего анализа, следует также обратить внимание на то, как меняется игра в связи с протестами в Гонконге. Аспект, который, как правило, игнорируется в наших медиа, – это классовая борьба, подкрепляющая протесты в Гонконге против попыток Китая ограничить его автономию. Протесты в Гонконге сначала вспыхнули в бедных районах; богатые же процветали под контролем Китая. Затем послышался новый голос. 8 сентября 2019 года протестующие прошли маршем к консульству США в Гонконге, и CNN сообщил, что «На одном плакате, который несли на марше, было написано “Президент Трамп, пожалуйста, освободите Гонконг” на английском языке, [в то время как] некоторые участники марша пели национальный гимн США»². Тридцатилетний банкир Дэвид Вонг, по словам журналистов, сказал: «Мы разделяем американские ценности свободы и демократии». Всякий серьезный анализ протестов в Гонконге должен сосредоточить внимание на том, как социальный протест, потенциально действительно меняющий правила игры, преобразуется в стандартный нарратив о демократическом восстании против тоталитарного режима.

То же самое справедливо и насчет анализа материкового Китая, когда наши СМИ сообщают о том, как Институту экономики Unirule (одному из немногих оставшихся в Китае форпостов либеральной мысли) было приказано закрыться, и называют это еще одним признаком резкого сокращения

пространства для общественных дебатов при правительстве Китая, которое возглавляет Си Цзиньпин. Однако это далеко от того полицейского давления, избиений и арестов, которым подвергаются левые студенты в Китае. Иронично, что, восприняв официальное возвращение к марксизму более серьезно, чем предполагалось, группы студентов организовали связи с рабочими, страдающими от жестокой эксплуатации на фабриках вокруг Пекина. Так, на химических заводах загрязнение часто превышает все нормы, в значительной степени является неконтролируемым и игнорируется государственной властью, и студенты помогают рабочим организоваться и сформулировать свои требования. Такие связи между студентами и рабочими представляют собой настоящий вызов режиму, в то время как борьба между новой жесткой линией Си Цзиньпина и прокапиталистическими либералами в конечном счете является частью основной игры. Она выражает доминирующее напряжение между двумя вариантами необузданного капиталистического развития: авторитарным и либеральным.

Таким образом, во всех этих случаях, от Йемена до Китая, следует научиться отличать конфликты, представляющие собой часть игры, от действительно переломных факторов, которые являются либо зловещими поворотами к худшему, замаскированными под продолжение обычного хода вещей (Израиль аннексирует значительную часть Западного берега реки Иордан), либо обнадеживающими признаками

появления чего-то действительно нового. Преобладающий либеральный взгляд одержим первыми и чаще всего игнорирует вторые.

2. Кто выставляет Курдистан диким?

Более ста лет назад Карл Май написал бестселлер «По дикому Курдистану» о приключениях немецкого героя по имени Кара Бен Немси в той части света. Эта чрезвычайно популярная книга помогла сформировать в Центральной Европе представление о Курдистане как о месте жестокой межплеменной вражды, наивном прямодушии и чести, а также суеверий, предательства и постоянной беспощадной войны – почти карикатурного варварского Другого европейской цивилизации. Взглянув на сегодняшний Курдистан, нельзя не удивиться тому, насколько он контрастирует с этим клише. Когда я был в Турции, где относительно хорошо знаю ситуацию, я заметил, что курдское меньшинство является самой современной и светской частью общества, сторонится всякого религиозного фундаментализма и отличается развитым феминизмом.

Когда в октябре 2019 года Дональд Трамп одобрил нападение Турции на курдский анклав на севере Сирии, самопровозглашенный «стабильный гений» оправдал свое предательство курдов, отметив, что курды «не ангелы»³. Конечно, по его мнению, единственными ангелами в этом регионе являются Израиль (особенно на Западном берегу реки Иор-

дан) и Саудовская Аравия (особенно в Йемене). Однако, в некотором смысле, курды – *единственные* ангелы в этой части мира. Судьба курдов делает их образцовой жертвой продолжающихся геополитических колониальных игр: расположенная у границ четырех соседних государств (Турции, Сирии, Ирака, Ирана), их (более чем заслуженная) полная автономия не устраивала никого, и они заплатили за это дорогую цену. Помним ли мы все еще массовые бомбардировки Саддамом Хусейном и отравление газом курдов на севере Ирака в конце 1980-х годов? А сравнительно недавно Турция несколько лет вела хорошо спланированную военно-политическую игру, официально борясь с ИГИЛ¹, но в действительности бомбя курдов, которые на самом деле борются с ИГИЛ².

В последние десятилетия способность курдов организовывать свою общинную жизнь была проверена в почти идеальных экспериментальных условиях. В тот момент, когда им дали возможность свободно дышать вне конфликтов окружающих их государств, они удивили весь мир. После падения Саддама курдский анклав на севере Ирака стал единственной безопасной частью Ирака с хорошо функционирующими учреждениями и даже регулярными авиарейсами в Европу. На севере Сирии курдский анклав с центром в Рожаве был уникальным местом в сегодняшнем геополитическом

¹ Запрещена в РФ. – Прим. изд.

² Запрещена в РФ. – Прим. изд.

беспорядке. Когда курды получили передышку от постоянных угроз со стороны своих крупных соседей, они быстро построили общество, которое хочется назвать реально существующей и хорошо функционирующей утопией. Благодаря моему собственному профессиональному интересу я обратил внимание на процветающее интеллектуальное сообщество в Рожаве, куда меня неоднократно приглашали читать лекции (эти планы, к сожалению, не воплотились в жизнь из-за военной напряженности в регионе).

Но что меня особенно огорчило, так это реакция некоторых моих «левых» коллег, обеспокоенных тем фактом, что курдам приходится полагаться на военную защиту США. Что они должны были делать, оказавшись втянутыми в напряженные отношения с Турцией, гражданскую войну в Сирии, иракский хаос и противостояние с Ираном? Был ли у них другой выбор? Должны ли они были принести себя в жертву на алтарь антиимпериалистической солидарности? Эта «левая» критическая дистанция казалась не менее отвратительной, чем та, что наблюдалась в 2018 году, когда между Грецией и Республикой Македонией было достигнуто соглашение об урегулировании спора о названии последней. Решение, заключавшееся в том, чтобы Македония сменила свое название на Северную Македонию, было немедленно осуждено радикалами в обеих странах. Греческие критики настаивали на том, что «Македония» – древнегреческое название, а македонские оппоненты чувствовали себя уни-

женными из-за того, что их низвели до «северной» провинции, хотя они – единственные люди, именующие себя «македонцами». Каким бы несовершенным ни было это решение, оно давало надежду на прекращение долгих и бессмысленных трений путем разумного компромисса. Но тут захлопнулась ловушка другого «противоречия»: борьбы между крупными державами (США и ЕС с одной стороны и Россией – с другой). Запад оказывал давление на обе стороны, требуя достичь компромисса, чтобы Македония могла быстро вступить в ЕС и НАТО, в то время как, по сути, по той же причине (опасаясь потери влияния на Балканах), Россия выступала против этого, поддерживая яростные консервативные националистические силы в обеих странах. Так какую же сторону мы должны здесь принять? Я думаю, что мы должны решительно встать на сторону компромисса по той простой причине, что это единственное реалистичное решение проблемы. Поддержка России здесь означала бы необходимость принести в жертву международным геополитическим интересам разумное решение уникальной проблемы отношений Македонии и Греции. Не будет ли нанесен курдам такой же удар со стороны наших антиимпериалистических «левых»?

Вот почему наш долг – полностью поддержать курдское сопротивление турецкому вторжению и строго осудить грязные игры, в которые играют западные державы. В то время как суверенные государства вокруг них постепенно погружаются в новое варварство, курды – единственный проблеск

надежды. И эта борьба касается не только курдов, но и нас самих, а также формы устанавливающегося нового глобального порядка. Если курдов бросить, возникнет новый порядок, в котором не найдется места драгоценному европейскому наследию освобождения. Если Европа отвернется от курдов, она предаст себя и превратится в самый настоящий Европастан!

3. Неприятности в нашем раю

В середине октября 2019 года китайские СМИ выступили с резкой позицией, продвигая утверждение о том, что «демонстрации в Европе и Южной Америке – непосредственный результат терпимости Запада к беспорядкам в Гонконге»⁴. В комментарии, опубликованном *Beijing News*, бывший китайский дипломат Ван Чжэнь написал, что «пагубный импульс “хаотичного Гонконга” начал воздействовать на западный мир», то есть что демонстранты в Чили и Испании восприняли сигналы из Гонконга. В том же духе редакционная статья *Global Times* обвинила гонконгских демонстрантов в «экспорте революции в остальной мир», заявив, что «Запад расплачивается за поддержку беспорядков в Гонконге, которые быстро привели к насилию в других частях мира, предвещая политические риски, которые Запад не может себе позволить»⁵. В редакционной видеозаписи, размещенной в официальном Twitter-аккаунте *Global Times*, редактор Ху Сицзинь сказал: «На Западе много проблем и всевозможных подводных течений неудовлетворенности. Многие из них в конечном итоге проявятся так же, как проявились протесты в Гонконге»⁶. За этим следовал зловещий вывод: «Каталония – это, вероятно, только начало».

Хотя идея о том, что демонстранты в Барселоне и Чили

берут пример с Гонконга, притянута за уши, это не значит, что вспышки протестов – в Гонконге, Каталонии, Чили, Эквадоре и Ливане, не говоря уже о желтых жилетах во Франции – нельзя привести к общему знаменателю. В каждом из этих случаев выступления против конкретного закона или меры (роста цен на топливо во Франции, закона об экстрадиции в Гонконге, повышения стоимости проезда в общественном транспорте в Чили, длительных тюремных сроков для выступающих за независимость каталонских политиков в Барселоне и т. д.) вылились в общее недовольство, которое, очевидно, уже таилось там и ожидало искры, чтобы взорваться. В результате, даже когда конкретный закон или мера отменялись, протесты не заканчивались.

Здесь бросаются в глаза два странных факта. Во-первых, то, как «коммунистический» Китай тайком играет на солидарности власть имущих по всему миру против мятежного населения, предупреждая Запад от недооценки недовольства в своих собственных странах. Месседж Китая заключается в том, что, несмотря на идеологическую и геополитическую напряженность, все государства разделяют один и тот же основной интерес – необходимость удержания власти. Второй аспект – это «неприятности в раю»: протесты происходят не в бедных заброшенных странах, а в странах (по крайней мере, относительного) процветания, странах, примеры которых обычно преподносятся как (по крайней мере, экономические) истории успеха. Хотя эти протесты

указывают на растущее неравенство, противоречащее официальной истории успеха, их нельзя сводить к экономическим проблемам. Выражаемое ими недовольство указывает на растущие (нормативные) ожидания того, как должны функционировать наши общества, ожидания, касающиеся также и «неэкономических» вопросов, таких как коллективные или индивидуальные свободы, достоинство и даже наполненность жизни смыслом. То, что до недавнего времени считалось нормальным (некоторая степень бедности, полностью суверенная власть государства и т. д.), теперь все чаще воспринимается как зло, с которым нужно бороться.

Вот почему мы должны также включить в серию продолжающихся протестов новый взрыв экологических движений и феминистской борьбы (настоящей, в которой участвуют тысячи обычных женщин, а не ее стерильную американскую версию MeToo). Давайте рассмотрим всего один пример. В Мексике массовая мобилизация феминисток включает в себя то, что организатор Алехандра Сантильяна Ортис называет «разговором о жизни, достойной жизни и ярости»⁷. Она продолжает: «Что значит для нас жизнь? Что мы имеем в виду, когда говорим о необходимости поставить жизнь во главу угла? Для нас жизнь – не декларативная абстракция, она обязательно включает в себя разговоры о достоинстве и обо всем, что позволяет создать условия для достоинства». Мы говорим здесь не об абстрактных философских размышлениях о смысле жизни, а о размышлениях, основанных на

конкретном опыте, которые доказывают, что самые обычные повседневные занятия – например, поездка в метро – полны опасностей жестокого насилия и унижения.

Как может человек быть спокоен, зная, что в метро Мехико, без использования которого трудно добраться на работу, за считанные месяцы были похищены тысячи женщин и что все это происходило публично и среди бела дня? И если вас не похитили, вы должны учитывать очень высокую вероятность того, что на вас нападут или что вы столкнетесь с каким-либо проявлением насилия. Именно по этой причине в поездах есть отдельные вагоны только для женщин, но все равно находятся мужчины, которые садятся в эти вагоны.

Возможно, Мексика – крайний случай, но это всего лишь экстраполяция тенденций, наблюдаемых повсюду. Мы живем в обществе, где чудовищное мужское насилие не залегает где-то глубоко, а бурлит у самой поверхности, и ясно одно: политкорректностью его не победить. Что также делает Мексику важным примером, так это тайная солидарность между этой упорно сохраняющейся мужской жестокостью и государственным аппаратом, который, как мы надеемся, защитит нас от нее. Как говорит Сантьяна Ортис, наблюдается своего рода формирование жестокого общества безнаказанности, в котором государство принимает участие в насилии. Во многих преступлениях, совершенных в последние годы в Мексике, непосредственно замешаны государство и его должностные лица или полиция. Через судей или тех, кто

работает в системе правосудия, государство гарантирует всеобщую безнаказанность в этой стране.

Ужасающая картина «всеобщей безнаказанности» – это правда новой волны популизма, и только широкая мобилизация народа достаточно сильна, чтобы противостоять этому непристойному соучастию государства и гражданского общества. Вот почему продолжающиеся протесты по всему миру выражают растущее недовольство, которое не может быть канализировано через сложившиеся формы политического представительства. Однако мы ни в коем случае не должны восхвалять эти протесты за то, что они дистанцируются от традиционной политики. Здесь предстоит сложная «ленинская» задача: как организовать растущее недовольство во всех его формах, включая экологические и феминистские протесты, в крупномасштабное скоординированное движение. Если мы потерпим в этом неудачу, то нас ждут постоянные чрезвычайные положения и гражданские беспорядки.

4. Опасность кофепития с Ассанжем

В четверг, 21 ноября 2019 года, я посетил Джулиана Ассанжа в британской тюрьме Белмарш, и одна маленькая деталь, незначительная сама по себе, показалась мне символом того, как функционируют тюрьмы, уважительно относящиеся к нашему (посетителей и заключенных) благополучию и правам человека. Все охранники были очень любезны и неоднократно подчеркивали, что все, что они делают, делается для нашего же блага. Например, несмотря на то, что Ассанж уже отбыл свой срок и остается в тюрьме ради обеспечения его безопасности, он находится в одиночной камере двадцать три часа в сутки, вынужден принимать пищу в одиночестве в своей камере, а когда ему разрешают выйти на один час, он не может взаимодействовать с другими заключенными, и общение с сопровождающим его охранником сводится к минимуму. Чем же обусловлено столь суровое его содержание? Объяснение, которое мне дали, было предсказуемым: это для его же блага (поскольку он предатель, которого многие ненавидят, на него могут напасть, если он смешается с другими людьми...). Но самый безумный пример такой заботы о «нашем благе» произошел, когда сопровождавший меня помощник Ассанжа принес мне стакан-

чик кофе, который поставили на стол, за которым сидели мы с Джулианом. Я снял со стаканчика пластиковую крышку, сделал глоток, а затем поставил стаканчик обратно на стол, не закрыв крышку; ко мне сразу же (через две или три секунды) подошел охранник и подал мне знак жестом руки (очень любезно, ведь это была самая гуманистическая тюрьма, какая только бывает), что я должен снова закрыть крышку. Я сделал, как мне велели, но был немного удивлен этим требованием и, выходя из тюрьмы, спросил кое-кого из персонала, в чем причина. Объяснение, конечно, снова было доброжелательным и человечным – что-то вроде: «Это для вашего же блага и защиты, сэр. Вы сидели за столом с опасным заключенным, вероятно, склонным к насильственным действиям, и мы увидели между вами открытую чашку горячего кофе...» Я почувствовал тепло в своем сердце от того, как хорошо меня защищали: только представьте, какой угрозе я мог бы подвергнуться, если бы навещал Ассанжа в российской или китайской тюрьме; охранники, несомненно, проигнорировали бы эту благородную меру безопасности и не уберегли бы меня!

Мой визит состоялся через пару дней после того, как Швеция отказалась от своего требования об экстрадиции Ассанжа, четко признав после дальнейшего допроса свидетелей, что оснований для судебного преследования нет. Однако это решение не было лишено зловещей подоплеки. Когда есть два требования об экстрадиции человека, судья должен ре-

шить, какое из них первично, и если была бы выбрана Швеция, то это могло поставить под угрозу экстрадицию в США (она могла быть отложена, общество могло высказаться против...). Теперь, когда только США просят об экстрадиции, ситуация стала гораздо яснее.

Итак, сейчас самое время задать простой вопрос: действительно ли Швеции нужно было восемь лет, чтобы допросить пару свидетелей и таким образом доказать невиновность Ассанжа (разрушая его жизнь в течение этого длительного периода и способствуя подрыву его репутации)? Теперь, когда ясно, что обвинения в изнасиловании были ложью, ни шведские государственные органы, ни британская пресса, причастные к диффамации Ассанжа, не потрудились принести однозначные извинения. Где все те журналисты, писавшие, что Ассанж должен быть экстрадирован в Швецию, а не в США? Или, кстати, те, кто лепетал, что Ассанж параноик, что его не ждет никакая экстрадиция, что если он покинет посольство Эквадора, то выйдет на свободу через пару недель в тюрьме, что бояться ему нужно лишь собственного страха? Это последнее утверждение является для меня своего рода отрицательным доказательством несуществования Бога: если бы существовал справедливый Бог, то молния поразила бы автора этого непристойного парафраза знаменитой остроты Франклина Рузвельта времен Великой депрессии.

Поскольку я уже упоминал Китай, то не могу удержаться-

ся и не напомнить читателям, что именно вызвало массовые протесты в Гонконге, продолжающиеся уже несколько месяцев: это было условие Китая о том, чтобы Гонконг принял закон, обязующий власти Гонконга выдавать своих граждан Китаю по первому требованию. Теперь мне кажется, что Великобритания даже больше подчинена США, чем Гонконг – Китаю: британское правительство не видит проблемы в том, чтобы выдать США человека, обвиняемого в политическом преступлении. Требование Китая более оправдано, поскольку Гонконг все-таки является частью Китая, в рамках формулы «одна страна, две системы». Очевидно, что отношения между Великобританией и США укладываются в схему «две страны, одна система» (американская, разумеется). Брексит продвигается как средство утверждения британского суверенитета, и теперь, на примере Ассанжа, мы уже видим, к чему сводится этот суверенитет – к подчинению требованиям США.

Настало время для всех честных сторонников Брексита решительно выступить против экстрадиции Ассанжа. Сейчас перед нами не какой-то незначительный юридический или политический вопрос, а нечто, касающееся основного смысла нашей свободы и прав человека. Когда же широкая общественность поймет, что история Ассанжа – это история их самих и что их собственная судьба в большой степени зависит от того, будет ли он экстрадирован или нет? Мы должны помочь Джулиану не из некой абстрактной гуманитарной

озабоченности и сочувствия к несчастной жертве, а по причине беспокойства о собственном будущем.

5. Анатомия переворота: демократия, Библия и литий

Хотя я десять с лишним лет был убежденным сторонником Эво Моралеса, должен признать, что, узнав о неразберихе после спорной победы Моралеса на выборах 2019 года, я засомневался: не поддался ли он авторитарному искушению, как это случилось со многими радикальными левыми у власти? Однако через день или два все стало ясно.

Размахивая огромной Библией в кожаном переплете и объявляя себя временным президентом Боливии, Жанин Аньес, второй вице-президент Сената, заявила: «Библия вернулась во дворец правительства»⁸ и добавила: «Мы хотим быть демократическим инструментом интеграции и единства». Однако в состав переходного кабинета, приведенного к присяге, не вошел ни один представитель коренного населения. Это говорит само за себя: хотя большинство населения Боливии составляют представители коренных или смешанных рас, до прихода к власти Моралеса они были де-факто исключены из политической жизни и ограничены ролью молчаливого большинства, которое делает грязную работу общества, находясь в тени. То, что произошло с Моралесом, явилось политическим пробуждением этого молчаливого большинства, не вписавшегося в систему капиталисти-

ческих отношений. Они еще не были пролетариями в современном смысле этого слова, а сохраняли свои досовременные племенные социальные идентичности. Вот как Альваро Гарсиа Линера, вице-президент Моралеса, описал их судьбу⁹:

«В Боливии продукты питания производились местными фермерами, здания и дома строились местными рабочими, улицы убирались коренными жителями, элита и средний класс доверяли им заботу о своих детях. Однако традиционные левые, казалось, не обращали на это внимания и занимались только рабочими крупной промышленности, игнорируя их этническую принадлежность».

Чтобы понять коренных жителей Боливии, мы должны представить всю историческую тяжесть их затруднительного положения: они пережили, возможно, величайший геноцид в истории человечества, их общины уничтожались испанскими и английскими колонизаторами Америки.

Религия коренных народов Боливии представляет собой уникальное сочетание католицизма и веры в Пачамаму – богиню земли и плодородия. Вот почему, хотя Моралес заявлял, что он католик, в действующей конституции Боливии (принятой в 2009 году) Римско-католическая церковь утратила свой официальный статус. Четвертая статья конституции гласит: «Государство уважает и гарантирует свободу вероисповедания и духовных убеждений, отражающих мировоззрение граждан. Государство отделено от религии».

Именно против таких прав местной культуры направлена демонстрация библии Жанин Аньес. Ее послыл ясен: это открытое утверждение религиозного превосходства белых и не менее открытая попытка вернуть молчаливое большинство на привычное подчиненное место. Из Мексики, где Моралес находился в изгнании, он обратился к Папе Римскому с просьбой вмешаться, и реакция последнего скажет нам о многом. Отреагирует ли Франциск как истинный христианин, недвусмысленно отвергнув насильственную рекатолицизацию Боливии, – эту политическую игру за власть, которая, в сущности, предаёт освободительное ядро христианства?

Если оставить в стороне возможную роль лития в перевороте (Боливия обладает большими запасами этого ресурса, необходимого для производства аккумуляторных батарей), возникает большой вопрос: почему Боливия является такой занозой в теле западного либерального истеблишмента? Ответ же очень своеобразен: как это ни удивительно, политическое пробуждение досовременного трайбализма в Боливии не привело к новой версии ужасного шоу в духе Сендеро Луминосо или Красных кхмеров. Правление Моралеса не стало обычной историей о том, как радикальные левые у власти все испортили в экономическом и политическом плане, породив нищету и пытаясь сохранить власть с помощью авторитарных мер. Доказательством неавторитарного характера правления Моралеса является то, что он не зачистил армию

и полицию от своих противников (именно поэтому они повернулись против него).

Моралес и его последователи, конечно, не были идеальны; они совершали ошибки; его движение омрачали конфликты интересов. Тем не менее в общем и целом было достигнуто замечательное равновесие. Моралес – не Чавес; у него не было нефтяных денег, чтобы справиться с проблемами, поэтому его правительству пришлось заниматься тяжелой и кропотливой работой по решению проблем в беднейшей стране Латинской Америки. Результат вполне можно назвать чудом: экономика процветала, уровень бедности снизился, здравоохранение улучшилось, в то время как все демократические институты, столь дорогие либералам, продолжали функционировать. Правительство Моралеса поддерживало хрупкий баланс между местными формами общественной деятельности и современной политикой, одновременно борясь за традиции и права женщин.

Чтобы рассказать всю историю государственного переворота в Боливии, нужен инсайдер, который раскрыл бы соответствующие документы. Очевидно, что Моралес, Линера и их последователи сделали такой занозой в теле либерального истеблишмента именно потому, что преуспели: более десяти лет у власти находились радикальные левые, и Боливия не превратилась в Кубу или Венесуэлу. Демократический социализм возможен.

6. Чили: к новому означающему Николь Барриа- Асенхо и Славой Жижек

Два недавних события дали некоторую надежду посреди всеобщей депрессии: речь о выборах в Боливии и референдуме APRUEBO [«Одобряю достоинство»] в Чили. В Боливии партия Эво Моралеса вернулась к власти, а Луис («Лу-чо») Арсе, министр экономики в годы правления Моралеса, был триумфально избран новым президентом. 25 октября 2020 года чилийским избирателям предложили сделать выбор между «arguebo» – одобрением изменения конституции в сторону большей социальной справедливости и свобод – и «rechazo» – отказом от такого изменения. В обоих случаях мы имеем редкое совпадение «формальной» демократии (свободных выборов) с содержательным волеизъявлением народа. Хотя произошедшее в Боливии отличается от процессов в Чили, я надеюсь, что в обоих случаях возможен один и тот же долгосрочный результат.

События в Боливии и Чили доказывают, что, несмотря на все идеологические манипуляции, даже так называемая буржуазная демократия иногда способна работать. Однако либеральная демократия сегодня достигает своих пределов – чтобы работать, она должна быть дополнена... Чем? Нечто

очень интересное сейчас появляется во Франции, как реакция на массовое недоверие общественности к государственным институтам: возрождение местных собраний граждан, впервые практиковавшихся древними греками. Как пишет Питер Юнг в *The Guardian*:

Еще в 621 году до н. э. экклесия, или народное собрание древних Афин, представляло собой форум, в котором мог участвовать любой гражданин мужского пола, независимо от сословия. Теперь, когда надвигается экономический и социальный кризис, вызванный пандемией, этот древний демократический инструмент обновляется для XXI века. Деревни, города и регионы по всей Франции все чаще обращаются к своим гражданам с просьбой помочь им в движении к более равноправному будущему¹⁰.

Эти форумы не формируются местными государственными администрациями, а самостоятельно организуются активными членами местных сообществ вне государственного аппарата и включают большой элемент случайности, лотереи. Число произвольно выбираемых делегатов составляет 150 человек. Отдаленно похожая на это процедура применялась и в Чили, где после победы на референдуме APRUEBO 155 человек были отобраны из числа не входящих в институциональные политические силы для работы над проектом новой конституции.

Марку Твену приписываются слова: «Если бы от выбо-

ров хоть что-то зависело, нам бы не позволили в них участвовать». Нет никаких подтверждений тому, что он действительно сказал или написал это; вероятнее всего, похожее высказывание впервые появилось в 1976 году в газетной колонке Роберта С. Бордена в *The Lowell Sun*³. Борден писал об избирательной системе США: «Приходило ли когда-нибудь в голову редакторам, что отношение семидесяти миллионов граждан, которые, как ожидается, не станут голосовать, свидетельствует о неприятной реальности, а именно, о том, что концепция голосования и избрания представителей по сути своей нечестная и мошенническая? Если бы выборы могли что-то изменить, они были бы признаны незаконными!»¹¹. Однако это утверждение приписывается Твену по уважительной причине: оно точно отражает его позицию. Хотя Твен был сторонником избирательных прав для всех (включая женщин) и призывал людей голосовать, он с глубоким скепсисом относился к махинациям, мешающим большинству выразить свою волю. Процитированный тезис следует принять в принципе как универсально справедливый, но необходимо обосновать эту универсальность при помощи исключения. Время от времени, в редких случаях, проводятся выборы и референдумы, действительно имеющие значение. Хотя лишь только такие выборы заслуживают характеристики «демократических», их, как правило, считают признаком нестабильности или того, что демократия находится

³ Массачусетская газета. – Прим. пер.

в опасности.

Переворот против режима Моралеса в Боливии легитимировал себя как возвращение к парламентской «нормальности» в противовес «тоталитарной» опасности того, что Моралес упразднит демократию и превратит Боливию в новую Кубу или Венесуэлу. Правда в том, что за десятилетие правления Моралеса в Боливии действительно установилась успешная новая «нормальная жизнь», сочетавшая демократическую мобилизацию народа с очевидным экономическим прогрессом. Как отметил новый президент Лучо Арсе, занимавший при Моралесе пост министра экономики, в десятилетие правления Моралеса боливийцы наслаждались лучшими годами своей жизни. Именно переворот против Моралеса разрушил эту с трудом завоеванную нормальность и принес новый хаос и страдания. Таким образом, с победой Арсе на выборах Боливии не нужно начинать с нуля – ей достаточно просто вернуться к положению вещей до переворота и двигаться дальше.

В Чили ситуация сложнее. Октябрь – особенный для Чили месяц, когда происходят радикальные повороты в политической истории страны. 24 октября 1970 года была ратифицирована победа Сальвадора Альенде; 18 октября 2019 года вспыхнули массовые народные протесты, ознаменовавшие конец режима Пиночета; а 25 октября 2020 года (кстати, в день Октябрьской революции по старому русскому календарю) завершился победой референдум APRUEBO, вытес-

нивший из общественного пространства символы, связанные с эпохой Пиночета. Таким образом, октябрь – не просто один из месяцев в чилийском календаре; он глубоко связан с историческими и символическими разрывами, на которые решились граждане страны.

Несмотря на соблюдение всех формально-демократических процедур, Альенде ввел в действие ряд мер, воспринятых правящим классом как слишком «радикальные». При активной поддержке США верхушка организовала серию экономических диверсий, а когда даже это не уменьшило народную поддержку Альенде, его правительство было свергнуто в результате военного переворота 11 сентября 1973 года (вот вам *настоящая* катастрофа 11 сентября). После четырех лет чисто военной диктатуры в 1977 году создание Политической конституции Чили было поручено «Комиссии по изучению Новой Конституции», сформированной из двенадцати человек, назначенных Военной хунтой. Проект, подготовленный этой группой, был изменен Государственным советом, также назначенным хунтой, и, наконец, самим генералом Пиночетом. Цель этого документа состояла в том, чтобы обеспечить долговечность внедряемой в стране модели при сохранении возможности будущих свобод, приостановленных в отношении экономических решений, которые могли бы угрожать режиму.

Таким образом, Пиночет навязал стране свое видение «демократической» нормализации с помощью новой кон-

ституции, надежно закрепившей привилегии богатых в рамках неолиберального порядка. Протесты, вспыхнувшие в октябре 2019 года, доказывают, что демократизация Пиночета была фальшивкой, как и любая демократия, терпимая или даже поощряемая диктаторской властью. Движение APRUEBO, выросшее из этих протестов, мудро сосредоточилось на изменении конституции. Это дало понять большинству чилийцев, что демократическая нормализация, координируемая Пиночетом, являлась продолжением режима Пиночета, просто использующим иные средства: силы Пиночета оставались на заднем плане как «глубинное государство», следящее за тем, чтобы демократическая игра не вышла из-под контроля. Теперь, когда иллюзия демократической нормализации Пиночета разрушена, предстоит настоящая тяжелая работа. В отличие от Боливии, в Чили нет ранее установленного порядка, к которому можно было бы вернуться, поэтому ей придется тщательно выстраивать новую нормальную жизнь, для которой даже славные годы Альенде не могут служить образцом.

На этом пути есть опасности. Победа на выборах – лишь первый шаг; настоящая тяжелая работа начинается на следующий день, когда энтузиазм иссякает и приходится терпеливо выстраивать новую нормальность посткапиталистического мира. В ближайшие недели и месяцы народ Чили часто будет слышать от своих противников вечный вопрос: «Ну хорошо, теперь, когда вы победили, не могли бы вы объяснить

нам, чего вы хотите? Не могли бы вы четко определить свой проект?» На ответ нам, пожалуй, указывает старый американский анекдот об опытной женщине, которая решает показать идиоту, что такое секс. Она раздевает его, немного мастурбирует, а после того, как у него наступает эрекция, раздвигает ноги и направляет его член в свое влагалище. Затем она говорит ему: «Хорошо, мы на месте, теперь ты просто немного вытаскиваешь член, а затем снова глубоко вставляешь, вытаскиваешь и вставляешь, вытаскиваешь и вставляешь...» Примерно через минуту идиот теряет терпение: «Неужели ты не можешь решить – вытащить или вставить?!»

Те, кто будут критиковать Чили, уподобятся этому идиоту: они потребуют четкого решения о том, какая новая форма общества теперь желательна. Однако победа APRUEBO, очевидно, не является концом, завершением борьбы; она – начало долгого и трудного процесса построения новой пост-пиночетовской нормальности, процесса со множеством импровизаций, шагов назад и вперед. В некотором смысле эта борьба будет более трудной, чем протесты и кампания за APRUEBO. У самой кампании имелся очевидный враг, и ей просто нужно было четко сформулировать причиненные им несправедливость и страдания, а также цели освобождения в удобной абстрактной форме: достоинство, социальная и экономическая справедливость и т. д. Теперь же APRUEBO должно воплотить в жизнь свою программу, реализовать ее в ряде конкретных мер, что выявит все внутренние разно-

гласия, игнорируемые в период экстагической солидарности людей. (Если вернуться к нашему непристойному анекдоту, то народ Чили должен относиться к своим оппонентам точно так же, как следует относиться к сексуальным идиотам, говоря им: «Нет, мы начали долгий и радостный процесс, в котором нет быстрого завершения, и мы будем медленно входить и выходить, входить и выходить, пока чилийский народ не удовлетворится полностью!»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.